

СОКОЛЯНСКИЙ А. А.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОДНОГО ФОНОЛОГИЧЕСКОГО ПАРАДОКСА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Предметом настоящей статьи является фонологический парадокс, отмечаемый в формах прилагательных мужского рода единственного числа именительного падежа (типа *красный*). Суть парадокса состоит в том, что фонемный состав морфемы в ударном и безударном положении не совпадает. Действительно, под ударением имеется окончание $-|oj|$ ¹, на что указывает сильная позиция (больн[би]), а без ударения $-|ij|$, так как звук [ы] (красн[ыи], сильн[ыи]) может представлять только фонему |и|. Еще один доказательством в пользу именно такой интерпретации безударной флексии является поведение перед ней заднеязычных, где отмечается произношение выс[к'ии], т[х'ии], пол[г'ии], а, как известно, появление мягких заднеязычных возможно было до последнего времени только в позиции перед гласными переднего ряда (хотя в настоящее время уже имеются отступления от этой закономерности).

Такая необычная фонологическая ситуация требует своего объяснения. Тем более, что в языке существовала (и существует в речи представителей старшего поколения) система, в которой безударная флексия прилагательных вела себя «по правилам». Это так называемая «старомосковская» норма, для которой характерно произношение больн[би], красн[ыи], т[х'ии] и где фонологическое содержание безударного окончания не вызывает недоумения. Победа же новой, асимметричной нормы, происходящая на наших глазах, требует своего объяснения. Почему русский язык выбрал именно такую систему употребления, которая в целом ему несвойственна? Оставаясь в рамках синхронной фонологии русского языка, трудно получить на этот вопрос исчерпывающий ответ.

Синхронная фонология может только констатировать для морфологии следующий факт: «В формах им. и вин. п. мужск. р. ед. ч. морфы $-|ij|$ / $-|oj|$ распределяются в зависимости от ударения: при ударении на основе — морф $-|ij|$ (красн- $|ij|$, си[н'- $ij|$]), а при ударении на флексии — морф $-|oj|$...» [1]. Однако и морфология не в состоянии объяснить столь необычное поведение морфов, хотя может напомнить о том, что такое акцентологическое их распределение полностью не исключено для русского языка (ср. формы, употреблявшиеся в литературной речи до недавнего времени: ле[т'-át], по вы[ле]т'-ут], где распределение морфов $-|at|$ / $-|ut|$ также зависело от места ударения). Наблюдение над современным состоянием языка (ни на уровне фонологии, ни на уровне морфологии) не дает решения поставленной задачи, поэтому необходимо обратиться к языковому состоянию недавнего прошлого.

Традиционно возникновение употребления [ыи] и [к'ии], [г'ии], [х'ии] в безударном положении связывается с влиянием орфографии. Так, Р. И. Аванесов писал: «Под влиянием правописания в настоящее время широко распространилось произношение [ыи]...» [2]. Такое же мнение находим у Л. А. Булаховского, Г. О. Винокура, М. В. Панова и других. Однако в XIX в. графическое написание этой флексии было такое же, а ярко выраженной тенденции к замене $-|oj| \rightarrow -|ij|$ не было.

Широкое распространение нового произношения прилагательных с $-|ij|$ совпадает во времени с периодом после Великой Октябрьской со-

¹ При обозначении звуков мы используем [], при обозначении фонем — | |. При этом термин «фонема» употребляется нами в соответствии с учением Московской фонологической школы.

сения прилагательных с флексией -|иј| необходимо связывать не с XX в., а со временем более ранним.

О том, что произнесение с -|иј| существовало уже в XIX в., говорит наблюдение над рифмами поэтов. Так, у А. С. Пушкина отмечены рифмы: *волны — полный, лики — великий*, хотя в целом для его поэзии характерна рифмовка, отражающая произношение с флексией -|ој| (*Ленский — геттингенской, шумной — благоразумный* и др.). Но нас в данном случае интересует не то, что произношение с -|ој| было более распространено в XIX в., чем с -|иј| (факт, не вызывающий сомнений), а то, что произношение с -|иј| в определенных ситуациях было возможно. В стихах другого поэта XIX в., П. А. Вяземского, рифмовка значительно чаще показывает произношение с -|иј|: *краткий — палатки, посильный — Вильны, ошибки — зыбкий, русский — отголоски, юный — перуны, нервы — первый* и др. [6]. Л. А. Булаховский отмечал в поэзии Вяземского рифмы с ударным -|иј|: *вековой — стихий, слепой — топы* [7]. Конечно, наблюдение над поэзией не может дать сведений о степени распространенности произношения с -|иј| в XIX в., однако, думается, вывод о том, что такое произношение существовало, не может вызвать возражений.

К сожалению, наблюдения над рифмами поэтов — один из немногих источников, которые могут дать представление о реальном произношении. Грамматики того времени, как правило, не фиксируют внимание на произносительной стороне речи, не различая столь щепетильно, как это делается в наши дни, букву и звук. Так, в грамматиках А. Х. Востокова и Н. И. Греча даются рекомендации писать ударное -*ой*, безударное -*ый*. А. Х. Востоков отмечал: «Окончание мужского рода *ой* употребляется вместо *ый, жий, чий, ший, щий, гий, кий, хий*, когда на оных есть ударение, напр. *прямой* (вместо *прямый*), *чужой* (вместо *чужый*), *сухой* (вместо *сухий*)» [8]. Примечательно, что для А. Х. Востокова закономерным является окончание -*ый*, а -*ой* употребляется вместо него в позиции под ударением. Это говорит о том, что процесс замены правописания с -*ый*, на -*ой* под ударением в то время был относительно недавним. Это подтверждает рекомендация, которую находим в грамматике А. А. Барсова: «Показанная пред сим перемена окончательных слогов *ый* и *ий* на *ой* особливо нужна, когда на те слоги сила ударяет, как *прямый, иный, глухий* и проч., которые по большей части как выговариваем, так и писать должно» [9]. То есть для А. А. Барсова еще было актуальным указание на недопустимость правописания подударного -*ый*, а это говорит о том, что в книжной речи того времени было возможно произнесение -*ый* под ударением (ср. сохранившееся до XX в.: *Мы, Николай второй*), хотя сфера употребления ударного -*ый* уже тогда была крайне ограниченной. Поэтому для того, чтобы решить вопрос о соотношении -*ой* и -*ый*, необходимо обратиться к рассмотрению состояния литературного языка XVIII в., так как, судя по всему, XIX в. во многом уже заимствовал те отношения, которые сложились ранее.

Поиски истоков произнесения безударного -|иј| привели к тому времени, когда оно было возможно под ударением. «Трудно сомневаться в том, — писал А. А. Шахматов, — что в книжной речи Москвы говорили некогда *простый, седый, младый* после *г, к, х*: *глухий, строгий, великий, долгий*» [10]. Это очень важно, так как трудно предположить, что взаимодействие морфов -|иј| и -|ој| изначально ограничивалось только безударными положениями, не затрагивая ударного. А если это так, морфы -|иј| и -|ој| первоначально не были алломорфами одной морфемы, а являлись ее вариантами, т. е. было допустимо употребление в слове как -|иј|, так и -|ој| независимо от места ударения (см. рифмы у П. А. Вяземского). Как правило, варианты морфемы различаются стилистически. Попытки противопоставить флексии -|ој| и -|иј| в рамках теории трех штилей делались в последней трети XVIII столетия. В. П. Светов писал: «Которое окончание из сих правее, в том не можно согласиться: ибо обоих употребление в Российском языке необходимо нужно кажется... Кажется, что в высоком слове высокие особливо слова лучше кончить на

ый и на ий, оставив окончания ой и ей просторечию и низкому, каков Комической, роду сочинения» [11, с. 15—16]. Однако противопоставить эти флексии стилистически не удалось, что связано с двумя причинами — общей и частной. Общая состоит в том, что к тому времени стилистическая система М. В. Ломоносова, сыгравшая огромную роль в становлении норм русского литературного языка, начинает распадаться. Поэтому предложение В. П. Свєтова не могло найти себе места, так как система, для которой оно предназначалось, находилась уже в стадии упадка. Частная причина заключается в том, что к этому времени ударное -ый начинает заменяться на -ой не только в живой, но и в книжной речи, что связано, вероятно, с тем, что различие между ударными [о] и [ы] было слишком разительным. В безударном же положении произношение с -ый сохранялось благодаря тому, что разница между [ъ] и [ы] не воспринималась так ярко. Таким образом, сложилась система, когда под ударением употреблялся морф -| ој |, а без ударения и -| ој |, и -| иј |. Отличие ее от современной состоит в частотности употребления морфов: раньше чаще употреблялось -| ој |, а сейчас для нас более привычно -| иј |.

Обращение к творчеству поэтов XVIII в. подтверждает мысль о том, что употребление флексии -| иј | в то время имело большее распространение, чем в XIX в. Так, отмечены следующие рифмы, указывающие на произношение -ый. У В. В. Капниста: *державы — кровавый, могилы — унылый, наследный — победы, великий — клики, напрасный — ясны*; у В. И. Майкова: *оний — миллионы, сердечный — бесконечны*; у М. В. Ломоносова: *Анны — пространный, раздражены — раскаленный*; у А. Д. Кантемира: *дни — лютинный, салы — немалый, удобны — способный, Петровы — новый* [12]. Обращает на себя внимание то, что чем ближе к началу XVIII в., тем настойчивее заявляют о себе формы с -| иј |. Если у большинства поэтов XVIII в. имеются также рифмы, отражающие произношение с -| ој | (*мастер первой — Минервой, красы безвестной — верх небесной* и т. п.), то в поэзии А. Д. Кантемира таких случаев нет. Еще более яркую картину произношения на -| иј | дает поэзия Феофана Прокоповича. В его стихах рифмуется: *славы — величавый, ополудны — трудный, крики — превеликий, обманный — Анны, стрелы — белый, полный — волны* [13]. Обращаясь к еще более раннему поэтическому творчеству в русской литературе, к творчеству Симеона Полоцкого, находим формы только на -| иј | [14]. А ведь Симеон Полоцкий «явился основоположником в русской литературе поэтического и драматического жанров» [15]. В лице Симеона Полоцкого Москва обрела придворного поэта, основоположника силлабического стихосложения, первого по времени поэта России вообще. Поэтому его творчество, творчество его последователей не могло не повлиять на дальнейшее развитие поэзии. Правда, язык его сочинений вряд ли можно признать русским, скорее церковнославянским, на что обратил внимание еще Г. Лудольф: «Не так давно — при последнем царе Федоре Алексеевиче — некий монах, Симон Полоцкий, перевел славянскими стихами Псалмы Давида и издал их... Он избегал, насколько мог, употребления трудных славянских слов, чтобы быть понятным для большинства читателей, и тем не менее язык у него славянский и много таких слов и выражений, которые в народной общей речи неизвестны» [16]. Однако в данном случае важно не то, что поэзия С. Полоцкого была далека от разговорной речи (это не вызывает сомнений), а то, что его поэтическая практика существенно повлияла на нормы складывающейся поэтической речи.

Установление широкого употребления флексии -| иј | в поэтической (и шире — книжной) речи XVII—XVIII вв. до конца не решает вопроса о путях ее проникновения в русский литературный язык. Это можно установить, если рассмотреть взаимодействие русского и церковнославянского языков в этот период.

Возникновение произнесения с -| иј |, как уже отмечалось, традиционно связывается с влиянием письменной церковнославянской традиции. Попытка проследить истоки этого взаимодействия привела к эпохе

XVII в., т. е. к эпохе, когда, по мнению В. В. Виноградова, происходит «распад системы церковно-славянского языка» и «расширение литературных функций живой русской речи и письменно-делового языка» [17, с. 47]. Получается, что закрепление флексии $[-ij]$ совпадает по времени с кризисом церковнославянского языка. Эту странность можно объяснить, сославшись на то, что в поэтической речи (а сейчас ведется речь фактически о ней) роль старославянской стихии была весьма значительна, а следовательно, не должно удивлять то, что в поэзии использовались и церковнославянские формы на $[-ij]$. Но ссылка на ограниченность употребления сферы $[-ij]$ не помогает объяснить другую странность: большинство грамматик XVIII в. не указывает на церковнославянский характер флексии $[-ij]$, ограничиваясь простой фиксацией написания *-ий*. Первой грамматикой русского языка на русском языке является грамматика В. Е. Аодурова. Б. А. Успенский, описавший и издавший ее, характеризует ее следующим образом: «Уже первое знакомство с данной рукописью не оставляет сомнения в том, что дело идет о грамматике именно русского языка, совершенно оригинальной и во многом революционной» [18]. Однако уже в этой грамматике подавляющее число форм рассматриваемых прилагательных имеет флексию $[-ij]$: *лесный, приметный, прилежный*. Правда, отмечено и употребление словоформы *выборной*.

В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова при употреблении флексий и на *-ой*, и на *-ий* предпочтение отдается последним: *битый, приведенный, ужасный, чудный, зазрелый, ночный*. Отмечена и флексия *-ой*: *всякой, маленькой, премудрой, точной*. В некоторых случаях формы с *-ой* и с *-ий* употребляются при одних и тех же корнях: *светлый, студный* и тут же: *пресветлой, престуденой*. Иногда можно предполагать стилистическую дифференциацию. Так, изолированно употребляется *великой*, но *великий Петр*. Однако последовательно М. В. Ломоносовым это не проведено, и сам он такое стилистическое употребление не оговаривает.

Только в последней трети XVIII в. В. П. Световым делается попытка стилистически противопоставить флексии $[-ij]$ и $[-oj]$. Однако уже Словарь Академии Российской (1789—1794) показывает, что их стилистическое противопоставление остается только на уровне теории и, по мнению Г. О. Винокура, «очень плохо оправдывается фактическим языковым употреблением» [19].

Столь запоздалая попытка (в целом неудачная) противопоставить флексии $[-oj]$ и $[-ij]$ стилистически вызывает сомнение в чисто церковнославянском происхождении окончания $[-ij]$. Фактическое отсутствие окраски «высокого штиля» у флексии $[-ij]$ требует дальнейшего уточнения ее происхождения. Без учета того, в какой форме во второй половине XVII в. происходило влияние церковнославянского языка на формирование норм русского литературного языка, трудно объяснить, почему флексия $[-ij]$ сразу не оказалась в числе церковнославянских форм, а была принята за «свою».

Специфика воздействия во второй половине XVII в. церковнославянского языка на русский состоит в том, что это воздействие осуществлялось через посредство украинского языка. Об этом писал В. В. Виноградов: «В XVII в. киевская традиция церковно-славянского языка возобладала над московской» [17, с. 7]. И далее: «Так называемая Юго-Западная Русь становится во второй половине XVII в. посредницей между Московской Русью и Западной Европой, и русский литературный язык подвергается сильному влиянию украинского литературного языка (церковно-книжного, светско-делового и художественного)» [17, с. 18]. А, как известно, в украинском языке в аналогичных формах прилагательных употребляется флексия *-ий*, воспринимаемая русскими как $[-ij]$. Отсюда становится понятным, почему $[-ij]$ не осознавалось в XVIII в. как высокое — оно соотносилось в первую очередь с украинским языком, а не церковнославянским. Поэтому и происхождение самой флексии $[-ij]$ необходимо связывать скорее с украинским влиянием. О том, что употребление флексии

-|иј| связано с украинским языком, писал В. П. Светов: «Многие, а особенно Малороссияне (разрядка наша. — С. А.) вм. на ой кончат всякое слово на *ий*» [11, с. 15]. Здесь уместно напомнить о том, что первые русские поэты (С. Полоцкий, Ф. Прокопович) были выходцами именно с Юго-Западной Руси, поэтому-то в их поэзии безраздельно и господствует флексия -|иј|: она для них была не столько церковнославянской, сколько своей, украинской и белорусской.

Воздействие на русский литературный язык со стороны украинского шло не только через практику поэтического творчества. Огромное влияние на русский литературный язык оказали грамматики славянского языка Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого, Федора Максимова, которые издавались на территории современных Украины и Белоруссии. Имея их в виду, Б. Унбегаун высказывал сожаление, что еще недостаточно изучено их влияние на грамматику русского языка позднейшего времени [20]. Наиболее авторитетной грамматикой в Москве была Грамматика М. Смотрицкого, изданная в 1648 г. и впоследствии неоднократно переиздававшаяся (последнее издание в 1721 г., в Москве). Ее рекомендации «стали у консервативных групп „восточников“ (т. е. сторонников византийских традиций) непререкаемой нормой литературности» [17, с. 12—13]. В Грамматике Смотрицкого находим формы прилагательных только па -|иј|: *желѣзныи, древяныи, каменныи, вторыи, благии* [21]. Для М. Смотрицкого эти флексии были, вероятно, не только церковнославянскими, но и украинскими. В Букваре Кариона Истомина, изданного в Москве в 1649 г., имеются формы только на -*ий*: *юный, благий, желанный, босый, тетеревъ бездѣльный* [22]. Причем употребление флексии -*ий*, как указывают примеры, не ограничивается безударным положением. Конечно, эти грамматики не отражают живого произношения того времени, однако они формировали книжные нормы русского литературного языка. Что касается живой речи, то ее сопоставление с книжными формами должно быть признано некорректным, так как для XVII—XVIII вв. устная речь остается за пределами литературного языка. Формирование устной разновидности литературного языка происходит только в XIX в., а в XVII—XVIII вв. устная речь образованных слоев общества была крайне неустойчивой и вариативной, строгих норм в современном понимании не было, «многие из образованных людей, особенно из среды духовного сословия, щеголяя ученостью, даже разговаривали на церковно-славянском языке» [17, с. 65]. При таком положении дел не приходится говорить о том, что живая речь противостояла книжным формам единым фронтом.

Таким образом, для конца XVII — начала XVIII вв. необходимо констатировать сильное влияние на русский литературный язык украинско-белорусской языковой стихии. Это влияние способствовало прочному закреплению в русской литературной речи флексии -|иј|, причем ее употребление отражало не просто графическую традицию, но и реальное произношение, существовавшее в речи определенного круга образованных людей.

Таковы основные причины и истоки того фонологического парадокса, который имеется в современном русском литературном языке при употреблении окончаний прилагательных мужского рода единственного числа именительного падежа. Однако такая фонологическая асимметрия, возникшая в результате «морфемного супплетивизма», не может быть устойчивой: для русского языка характерно совпадение фонемного состава ударной и безударной морфем. В настоящее время, как нам представляется, в русском литературном языке идет процесс, направленный на ликвидацию сложившегося фонологического парадокса. М. В. Панов пишет: «...волна усиливающейся редукции дошла и до <и>... В [ъ] стало совпадать большее число фонем, чем прежде. Разумеется, форма *новый*, с <иј> в окончании, стала произноситься и с [ыи] и с [ьи]. Произношение, обреченное, казалось бы, на исчезновение, снова укрепилося. Сейчас в живой речи нов[ъи] (муж. р.) слышится не реже, чем нов[ыи]» [23]. Поэтому возможно такое употребление, когда в речи одного и того же лица, в зависимости от условий общения, встречается произношение

безударной флексии как с [ий], так и с [ы]. Вероятно, в настоящее время такое произношение представлено наиболее широко. Однако и при таком употреблении фонемная интерпретация безударной флексии остается прежней: если в речи говорящего употребляется после твердых согласных и [ы], и [ь], а после заднеязычных [ий], то такой ряд позиционно чередующихся звуков может представлять собой по-прежнему только фонему |и|. Ведь в нашем случае звуки [ы] и [ь] могут заменяться, не внося дополнительного смысла в значение слова, т. е., по Н. С. Трубецкому, они являлись факультативными вариантами одной фонемы. Какой? Конечно же, |и|, так как в речи тех, кто беспорядочно употребляет [ы] и [ь] во флексиях прилагательных, точно такая же беспорядочная реализация фонемы |и| и в других случаях во второй позиции после твердых согласных, т. е. в их речи возможно как совпадение форм *пылевой* и *полевой*, так и их различие. Поэтому данная система не отличается фонематически от той, которая признана в настоящее время нормативной.

Интересно, однако, посмотреть, каковы дальнейшие тенденции развития этой системы. Процесс редукции [ы] во второй позиции в [ь] в настоящее время уже настолько прозрачен и, вероятно, уже почти завершен в аллегровой речи многих носителей русского литературного языка, что небезынтересно выяснить, как следует интерпретировать фонематически рассматриваемую флексию в том случае, когда |и| во второй позиции после твердых согласных будет последовательно реализовываться как [ь], т. е. закрепится произношение: *красн[ь]* и *ти[х'ий]*. В этом случае [ь] может реализовывать следующий ряд фонем: |а|, |и|, |э|, |о|. Тогда как [и] представляет фонемы: |и|, |э|, |о|, но не |а|, так как формы *выгонит* — *выгонят* различаются. О возможности фонемы |о| в последнем ряду говорит совопоставление форм: [тк'от] — [вытк'ит], где фонема |о| находится точно в такой же позиции: после заднеязычного на стыке основы и флексии. Таким образом, безударная флексия имен прилагательных предлагает нам выбор из трех фонем: |и|, |э|, |о|. Но в таком случае свои права на фонемную интерпретацию предъявляет ударная форма, где представлена фонема |о|. Теперь уже нет основания для противопоставления ударной и безударной флексии, так как «мешающего» [ы] нет. Поэтому происходит выравнивание ударного и безударного морфов: во всех случаях оказывается представленным [-ој], как и в старомосковской норме. С той только разницей, что теперь перед этой флексией реализуется мягкая заднеязычная фонема, т. е. лёг |к'ој|. А именно в этом состоит внутренняя потребность современной фонологической системы русского языка: чем больше будет позиций, где мягкие заднеязычные будут употребляться перед гласными фонемами непереднего ряда, тем они прочнее будут включены в фонологическую систему. Примечательно, что тенденция к широкому распространению [-иј] возникает именно тогда, когда начинает оформляться фонемная противопоставленность твердых и мягких заднеязычных (начало XX в.), т. е. именно тогда, когда в этом появляется потребность внутри самой фонологической системы. До формирования мягких заднеязычных как самостоятельных фонем изменение твердого произношения на мягкое было фонологически бессодержательным. Кроме того, данное изменение могло произойти только после закрепления в литературном языке иканья, т. к. до тех пор, пока в безударном положении после мягких заднеязычных различаются фонема |и|, с одной стороны, и фонемы |а|, |о|, |э|, с другой стороны, говорить о фонологизации мягких заднеязычных перед рассматриваемой флексией не приходится.

Однако такое объяснение изменения произношения заднеязычных перед флексией прилагательных муж. р. ед. ч. им.-вин. п. в безударном положении с позиции логики может показаться не совсем корректным. Дело в том, что фонологизация мягких заднеязычных в позиции перед рассматриваемой флексией возможна лишь после изменения *красн[ыи]* → *красн[ь]*, которое происходит только в настоящее время и до конца не завершено. До того момента, пока имеется произношение с [ы], фонологически должно быть только *ти[х'ий]*, но не *ти[х'ој]*. Тогда как же быть

с мыслью о том, что изменение произношения $tíx[ʲi]$ → $tí[x'íi]$ совпадает по времени с фонологизацией заднеязычных и диктуется ею? Получается, что язык заранее знал, что $[ʲi]$ во второй позиции будет изменяться в $[ʲ]$ и уже предварительно подготовил почву для фонологизации заднеязычных в позиции перед одной из флексий имен прилагательных. Думается, однако, что это явление можно объяснить, не наделяя язык сверхъестественной способностью предвидеть будущие изменения. Объяснение такое: парадигмы прилагательных с основой на парный твердый согласный и на заднеязычный фонологически почти тождественны, но только почти. В целом история прилагательных типа *красный* и типа *тихий* совпадает. Так, написание (и произношение) *-ый* и *-ий* (*-ий*) в истории русского языка следуют друг за другом: там, где находим *-ый*, имеется, как правило, и *-ий*. Однако, вероятно, на определенных этапах возможен «фонологический зазор» между этими формами. Именно такой «зазор» образуется после превращения мягких заднеязычных в самостоятельные фонемы. Действительно, до фонологизации мягких заднеязычных произношений $ти[x'íi]$ может отражать только $ти |хи́|$, так как действует закон: мягкие заднеязычные возможны только в позиции перед гласными фонемами переднего ряда. Форма *красн[ʲi]* напоминает о том, что здесь не $-|э́|$, а $-|и́|$. Но даже и без формы на $[ʲi]$ при наличии экапья нельзя дать иной фонологической интерпретации, кроме $ти |хи́|$, так как произношение флексии как $[íi]$ в данном случае самодостаточно для утверждения, что здесь именно $|и́|$, а не $|э́|$. Поэтому до фонологизации мягких заднеязычных и развития иканья формы на $[ʲi]$ и $[íi]$ «намертво» прикреплены одна к другой. Но уже при иканье произношений $ти[x'íi]$ «само за себя не отвечает»: для того чтобы доказать, что здесь не $-|э́|$, приходится призывать в «свидетели» формы типа *красн[ʲi]*. После фонологизации мягких заднеязычных положение осложняется: теперь произношение с $[ʲíi]$ может отражать и $-|и́|$, и $-|э́|$, и $-|о́|$. Сразу отпадает $-|э́|$, так как нет форм, которые указывали бы на такой фонемный состав (застывшую форму *сам-третьей*, кочующую из учебника в учебник, вряд ли можно признать за полноценного представителя прилагательных). Но почему бы тогда не $-|о́|$? На это указывает сильная позиция — $туго́[íi]$. Почему формы на $[ʲi]$ в данном случае должны считаться более авторитетными? Только потому, что они тоже безударны. Но для русского языка характерно определение фонемного состава морфемы по сильной позиции, каковой для гласных является позиция под ударением. Возможно еще такое возражение: какое же здесь может быть фонемное тождество флексий, если перед ударным окончанием употребляется твердый заднеязычный, а перед безударным — мягкий. Но точно такую же претензию можно предъявить и к $[ʲi]$, уже само появление которого является парадоксом для фонологических отношений русского языка. Поэтому в лучшем случае необходимо признать формы типа *тугой* и *красный* равноправными для фонологической интерпретации форм прилагательных на заднеязычный с ударением на основе. Отсюда вывод: на современном этапе развития современного русского литературного языка во флексиях прилагательных типа *тихий* представлена гласная гиперфонема $\left\{ \frac{o}{и} \right\}$, т. е. $|т'íх' \frac{o}{и} j|$.

Теперь изменение фонемного состава в прилагательных на заднеязычный можно представить следующим образом: 1) $ти |хи́|$ — до фонологизации мягких заднеязычных; 2) $ти |x' \frac{o}{и} j|$ — после фонологизации мягких заднеязычных; 3) $ти |x'oj|$ — после изменения $[ʲi]$ в $[ʲ]$ во второй позиции.

Первый этап отражает прошлое, второй — настоящее, третий — будущее. Именно для современного этапа характерен фонологический зазор, о котором говорилось выше, между формами типа *красный* и *тихий*, однако с дальнейшими изменениями в фонологической системе он будет ликвидироваться.

В заключение суммируем основные положения, получившие отражение в статье.

1) Проникновение в русский литературный язык форм прилагательных на $[-ij]$ связано не только с сохранением церковнославянской письменной традиции, но и с украинно-белорусским влиянием, которое особенно интенсивно было во второй половине XVII — начале XVIII вв.

2) Традиция употребления $[-ij]$ существовала уже с XVII в., и не было такого периода в истории русского литературного языка, когда бы такое произношение отсутствовало вовсе. Оно существовало, хотя сфера его употребления в некоторые периоды была ограниченной.

3) На наших глазах происходит окончательное слияние русской и церковнославянской по происхождению флексий в органически единую систему, и хотя победа внешне остается за исконно русской флексией, церковнославянская оставляет о себе память в виде фонологизации мягких заднеязычных перед фонемой $[o]$ еще в одной позиции.

4) Возникновение фонологического несовпадения состава ударной и безударной флексий имен прилагательных муж. р. ед. ч. им.-вин. п. связано с «морфемным супплетивизмом», т. е. с объединением в одну морфему первоначальных различных флексий. В наиболее общем виде этапы того процесса можно представить в такой последовательности:

под ударением а) $[-oj]$	$[-ij]$	б) $[-oj]$	$\emptyset$	в) $[-oj]$	$\emptyset$	г) $[-oj]$
без ударения	$[-ij]$	$[-ij]$	$[-ij]$	$[-ij]$	$\emptyset$	$[-ij]$

Этап а) соответствует XVII — началу XVIII в.; этап б) вторая половина XVIII—XIX в.; этап в) современное состояние; этап г) наметившаяся тенденция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. Т. I. М., 1980, с. 548.
2. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1968, с. 167.
3. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965 с. 50.
4. Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения. СПб., 1908, с. 21—22.
5. Кошутин Р. Грамматика русского языка. Ч. 2. Белград, 1914, с. 77.
6. Вяземский П. А. В дороге и дома. М., 1862.
7. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, с. 105.
8. Востоков А. X. Русская грамматика. 3-е изд. СПб., 1838, с. 69.
9. Барсов А. А. Российская грамматика. М., 1981, с. 467.
10. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, с. 84.
11. Светов В. П. Опыт нового русского правописания ... СПб., 1773.
12. Русская поэзия XVIII века. М., 1972 (Библиотека всемирной литературы).
13. Прокопович Ф. Сочинения. Л., 1961.
14. Полоцкий Симеон. Избранные сочинения. М.—Л., 1953.
15. БСЭ. 3-е изд., 1976, т. 23, с. 389.
16. Ларин Б. А. Русская грамматика Лудольфа 1696 года. Л., 1937, с. 114.
17. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938.
18. Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975, с. 17.
19. Винокур Г. О. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века. — В кн.: Винокур Г. О. Избранные работы. М., 1959, с. 181.
20. Unbegaun B. Russian grammars before Lomonosov. Oxford Slavonic Papers, 1958, VIII.
21. Смотрицкий М. Грамматика. М., 1721.
22. Истомин К. Букварь. Л., 1981.
23. Современный русский язык. Под ред. Белошапковой В. А. М., 1981, с. 104.